

ЛЕКСЕМЫ КОЛОДЕЦ, ЮКМӖС И ӖШМӖС «КОЛОДЕЦ» В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

Лобанова А.С., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Институт гуманитарных исследований УрО РАН, г. Пермь

Кривошеков А.Д., Институт гуманитарных исследований УрО РАН, г. Пермь

Статья посвящена семантическому и этимологическому анализу трёх лексических единиц *колодец*, *юкмӖс* и *ӖшмӖс*, активно функционирующих в коми-пермяцком языке. Согласно различным лексикографическим источникам (XVIII, XIX, XX веков), они способны реализовать значение «колодец», за двумя последними лексемами также закреплены значения «прорубь» и «ключ». Современные диалектные материалы и тексты коми-пермяцких писателей не всегда подтверждают данные, зафиксированные в словарях. Сомнения не вызывает заимствованное из русского языка слово *колодец*: оно употребляется в исходном значении, что подтверждает гипотезу о том, что колодцы у коми-пермяков появились довольно поздно. Полагаем, что по этой причине в коми-пермяцкой культуре нет богатой сакральной символики, связанной с этим объектом. Исконные лексемы общепермского происхождения *юкмӖс* и *ӖшмӖс*, имеющие соответствия в коми-зырянском и удмуртском языках, первоначально обозначали «прорубь», «источник». Со временем эти лексемы в коми языках подверглись деэтимологизации: в разных диалектах обоих коми языков они стали обозначать «колодец», сохранив при этом первоначальную семантическую нагрузку «прорубь» («родник»). *ЮкмӖс* и *ӖшмӖс* в речи коми-пермяков имеют четкую территориальную привязку. Слово *ӖшмӖс* встречается на территории северных диалектов коми-пермяцкого языка и функционирует в двух значениях – «прорубь» и «колодец». Слово *юкмӖс* известно коми-пермякам, проживающим на более южных территориях, оно сохранило первоначальное значение «прорубь», а для передачи значения «колодец» используется заимствованная русская лексема. Не повсеместный семантический сдвиг в семантике слов *ӖшмӖс* и *юкмӖс* в пользу значения «колодец» в речи коми-пермяков требует дополнительных наблюдений, связанных с наименованиями водных объектов.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, семантика, этимология, колодец, *ӖшмӖс*, *юкмӖс*, диалекты, заимствование, водный объект, лексикографический источник, родственные языки

Введение

Колодец – один из древних способов добычи чистой питьевой воды. Для многих народов данный хозяйственный объект имеет ряд положительных ассоциаций: у славян – это источник воды, символ жизни и плодородия [1]; у кельтов – врата, через которые из иного мира в наш мир приходит божественное и магическое [2]; у индусов – центр общественной жизни [3] и др.

В русской лингвокультуре и фольклорных текстах колодец также является местом перерождения, перехода в иные измерения и т.д. Во многих сказках, в том числе и русских народных, колодец является значимым элементом сюжетной линии («Синюшкин колодец» – П. Бажов, «Девушка в колодце» – русская народная сказка и др.). Широко колодец представлен в русских пословицах и поговорках (не плюй

в колодец – пригодится воды напиться; не ценим воду до тех пор, пока не высохнет колодец и др.). Колодец также является отгадкой в некоторых русских загадках (Где вода стоит столбом? Я опять хочу напиться! Очень вкусная водица! А откуда достается? – Из глубокого ... и др.). Одним словом, у различных этносов колодец – это сакральный объект, символ очищения и источник жизни, вот почему символика, мотивация, ассоциативность слов, связанных с колодцем, довольно высоки. В то же время язык и культура коми-пермяков практически не подтверждают обозначенные выше позиции, связанные с этим водным объектом.

Методы исследования

При анализе материала был использован метод *функционально-семантического анализа*, который необходим для определения конкретных лексических значений анализируемых лексем в контексте (в том числе диалектных и художественных текстах), а также поиска мотивов вторичной номинации водных объектов. *Этимологический* и *сравнительно-исторический* методы применялись для определения происхождения и истории функционирования исконных лексем *õšmõs* и *jukmõs* в пермских языках.

Обсуждение результатов

Колодец как один из необходимых в повседневной жизни объектов хозяйства сельского жителя коми-пермяка, имеющийся сегодня почти в каждом населенном пункте, редко становился предметом внимания исследователей. Имеются лишь отдельные сведения, связанные с некоторыми поверьями и гаданиями, бытующими среди коми-пермяков (О.И. Уляшев, Г.Н. Чагин, Т.Г. Миннихметова, Т.Г. Голева). «Начертив круг вокруг себя у колодца, гадающая накрывается шубой и прислушивается к шуму из колодца, т.к. колодец связан с потусторонним миром (зап. в д. Серва Кочёвского района КПАО)» [4, 178]. В этой же статье отмечено: «У коми-пермяков девушки гадают в Петров день: загадывают суженого и смотрят «отражение» звезд на поверхности колодца (с. Верх. Юсево Кудымкарского района КПАО)» [4, 179]. (Полагаем, что при паспортизации материалов допущена ошибка: следовало написать с. Верх-Юсьва, вместо с. Верх. Юсево). Подобные сведения приводятся и в материалах народа коми (-зырян), например: «человек, плюнувший в ручей, реку, колодец будет печалиться» [5, 95].

Незначительные сведения в различных научных и научно-популярных источниках о строительстве коми-пермяками колодцев, отсутствие исконных терминов для обозначения деталей сооружения говорят в пользу того, что в прошлом этот объект не был обязательной частью подворья. Об этом же говорят и археологические данные, не содержащие информации о наличии колодцев в хозяйственном комплексе древних коми-пермяков. Вот как описывал результаты раскопок известный археолог В.А. Оборин: «Около некоторых жилищ прослежены остатки изгороди, которая огораживала двор. В глубине участка находилась еще одна яма – кладовка ... жилые дома, легкие постройки с плетневыми стенками, которые могли служить загоном для скота, очаги для плавки металла ... постройка с очагом в центре по устройству очень напоминает баню (пывсян)» [6, 9].

Судя по всему, древние пермяне селились около рек, речушек и родников, благо природные особенности их проживания позволяли строить жилища вблизи естественных водных источников. «Вода в жизни удмуртов, как и многих других

народов, имела огромное значение. Она издавна считалась первоисточником жизни. Поэтому люди поселялись, прежде всего, у рек, ручейков, родников» [7, 11]. Хотя иногда поселение могло возникнуть на определенном расстоянии от родника. Тогда жители вынуждены были привозить воду в больших емкостях и сразу на несколько дней. *Сэччинка ва эз вёл. Васё ваялісё ключись, за километры, за километры* «Там воды не было. Воду таскали (привозили) из родника, за километр, за километр» (Пятина Кудым.) [8]. Вот как отмечают наличие колодца в деревне сегодня: *Ме кёр вокті татчё овны, дак токо ётік вёвви колодецыс, а сэсся чисто шорвись кайётвисё васё* «Когда я переехала сюда жить, так только один колодец был, а все с речки воду таскали» (Мосино Юсёв.) [9]. Лишь в недавнем прошлом с целью облегчения своего труда жители начали активно сооружать данные объекты. Но и сегодня многие отдают предпочтение ключевой воде.

Довольно поздним появлением колодцев в жизни коми-пермяков объясняется то, что колодец ни в языке, ни в традиционной культуре не воспринимается как чудотворный объект, наделенный особой божественной или сверхъестественной силой. Колодец практически не встречается в национальных сказках, его нет в составе пословиц и поговорок (за исключением калек с русского языка). При этом надо сказать, что этот объект воспринимается положительно и имеет общую одобрительную оценку. Полагаем, что немногочисленные гадания и обряды, осуществляемые возле колодца, могли появиться в силу внешних факторов, например, могли быть заимствованы из русской традиционной культуры; либо они могли возникать под влиянием вторичных факторов, когда свои же обряды, проводимые ранее возле естественных родников, «переносились» к колодцу, тоже водному объекту.

Возможно, языковые данные позволят показать, на каком этапе и в силу каких причин возникли наименования, обозначающие источники воды, а значит, и жизни, в коми-пермяцком языке. Наименования колодца или естественного родника, с точки зрения их возникновения и смысловой нагрузки, еще не становились объектом отдельной научной работы, что составляет актуальность данного исследования.

В данной статье сделана попытка показать семантику и этимологию лексем, реализующих значение «колодец» в коми-пермяцком языке. Опережая результаты анализа, отметим, что языковой материал будет вынуждать обращаться и к другим наименованиям водных источников.

Согласно данным «Коми-пермяцко-русского словаря», в коми-пермяцком языке встречается несколько наименований, значение которых связано с изучаемым объектом: *колодец*, *юкмёс*, *ёшмёс* (*ёшымёс*): «**колодец** – колодец, *иньв.* ководеч, коодеч» [10, 181]; «**ёшмёс** – 1) колодец 2) редко прорубь 3) уст. ключ, источник» [10, 309]; «**юкмёс** – 1) колодец || колодезный 2) прорубь» [10, 589]. Два наименования – *ёшмёс* и *юкмёс* – могут реализовать несколько значений: «колодец», «прорубь», «ключ». Только заимствованная лексема *колодец* со всеми фонетическими вариантами имеет одно значение.

Современный языковой материал демонстрирует более четкую дифференциацию этих наименований и не всегда подтверждает распределение семантической нагрузки приведенных слов в словарях. Особенно ярко она проявляется в диалектной речи и на страницах коми-пермяцких художественных текстов. При этом следует помнить, что диалектная принадлежность автора также довольно сильно влияет на употребление значения той или иной лексемы в тексте. Писатели «южных»

территорий (современные Кудымкарский и Юсьвинский МО) лексемой *юкмӧс* обозначают прорубь, а заимствованным словом колодец, соответственно, называют уже другой водный объект. В их текстах практически не встречается слово *ӧшмӧс* (или *ӧшымӧс*).

У представителей северных диалектов (территории Кочевского, Косинского и Гайнского МО) картина распределения изучаемых слов совсем иная: на страницах их текстов нет слова *юкмӧс*, очень редко встречается слово *колодец*, зато *ӧшымӧс* реализует сразу два значения: «колодец» и «прорубь». И только контекст помогает раскрыть нужное значение слова.

Остановимся на некоторых примерах из произведений В. Климова и В. Баталова, национальных писателей, представляющих южные территории Коми-Пермяцкого округа. *Сія кадсянь, шуӧны, и кутчӧмась колодецесӧ гарйыны* «С этого времени, говорят, и начали копать колодцы» [11, 151]. *Быд лун двадцать гозӧн колодецись лӧбтам да вытаным новьям* «Каждый день по двадцать пар (непонятно, может быть, пар ведер? <воды>) из колодца поднимем и на себе носим» [12, 38]. *Глаша гумышитіс юкмӧсись ва, сувтӧтис ведрасӧ йы вылӧ* «Глаша зачерпнула из проруби воду, поставила ведро на лёд» [13, 330]. *Осьтышиті синнэзӧс и адзза: не гуна пытикын пукала, а вадӧрын, самӧй юкмӧс дынас* «Приоткрыл глаза и вижу: не внутри гумна сажу, а у воды, у самой проруби» [14, 166]. Примеры демонстрируют, что исконное слово *юкмӧс* у авторов имеет значение «прорубь», но никак не «колодец»; за этот объект в их текстах отвечает заимствованная лексема.

Нельзя оставить без внимания отрывок из легенды о появлении реки Камы, обработанной В. Климовым: *Но вот эта увтыр ордӧ локтӧм беда: косьмӧмась ключез, ӧшмӧссэз, нем лоӧма юны.*

Этӧ бедасӧ увтырыс ордісь ылӧтас Кам. Сія бадь уввезісь гӧрдззас юркытш, бадь уввезӧн жӧ йиасяс. И жагвыв йӧктӧмӧн пондас кытилавны горт мусӧ. И вот ӧтілаын улоккес нюжӧтчасӧ муыслань, дзик ловьяӧсь.

– Эстӧн! – висьталас Кам.

Сія мый вын топнитас кокнас, и му пытиксис пондас котӧртны ключ.

Но вот к этому народу пришла беда: высохли ключи, колодцы, нечего стало пить.

Эту беду от народа отведет Кам. Он из ивовых веток сплетёт венок, ивовыми ветками же опояшется. И, медленно танцуя, станет обходить родную землю. И вот в одном месте ветки потянутся к земле, как будто живые.

– Тут! – скажет Кам.

Он что есть мочи топнет ногой, и из-под земли будет течь ключ» [11, 173].

Примечательно, что в этом контексте показана методика поиска воды: ветки растений потянулись к земле. В данном контексте нас в большей степени интересует фраза: *Но вот эта увтыр ордӧ локтӧм беда: косьмӧмась **ключез**, ӧшмӧссэз, нем лоӧма юны* «Но вот к этому народу пришла беда: высохли **родники, колодцы**, нечего стало пить». Полагаем, что слово *ӧшмӧссэз* писатель использовал в значении «колодцы». Возможно, автор решил отказаться от заимствованного слова *колодец* и использовал лексему *ӧшмӧс*, зная, что она активно функционирует в диалектах северного наречия коми-пермяцкого языка.

Обратимся к текстам Т. Фадеева и С. Федосеева. Эти писатели представляли так называемые «северные» территории. Например: *Гожумнас ваыс быд ӧшымӧсын эм* «Летом вода в каждом колодце есть» [15, 182]. *Андрейыс котӧртис поныс керку ӧшын*

увтö, кытöн öшымöс весьтын пыр öшалö ведра «Андрей побежал к окну дома попа, где над колодцем всегда висит ведро» [16, 97]. *И вöвлі кö зонка не öддьöн мыдз, уджыс адззисьліс эшö и керку гөгөр, кайöтышитны, шуам, мамыслö отсалöм могись öшымöс дорись гоз ведра мымда ва* «И если мальчик не был очень уставшим, работа находилась и вокруг дома, принести, скажем, матери, от желания помочь, из проруби пару вёдер воды» [17, 248].

Использование изучаемых лексем – *колодец*, *юкмöс*, *öшымöс* – в художественных текстах доказывает, что в коми-пермяцком языке существует явная территориальная ограниченность в употреблении этих слов. Напомним, что язык коми-пермяцких писателей не всегда подвергался строгому редактированию, авторы часто использовали диалектную лексику (а иногда и диалектные грамматические особенности) в своих произведениях. Вот почему так важны художественные тексты при анализе тех или иных особенностей языка коми-пермяков. Выходит, что местные слова проникали в обработанный литературный язык и таким образом способствовали развитию словарного состава литературного языка.

Диалектная речь подтверждает семантическую нагрузку слов *колодец*, *юкмöс* и *öшмöс*, реализующихся в художественных текстах. Приведем пример из записей нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка, представляющих южное наречие: *Ва дорын – этö юкмöс. На речке юкмöсыс, на речке. А этö, эта называется колодец* «У реки – это прорубь. На речке прорубь, на речке. А этот, этот называется колодец» (Балкачи Кудым.) [18]. Возьмём пример из записей кочевского диалекта, представляющего северное наречие: *Видзöтам – öшмöс дорын лоим, чуть только ваас эг пырö* «Смотрим – у проруби оказались, чуть только в воду не зашли» (Митино Коч.) [24].

Приведенные выше данные позволяют нам усомниться в правильности трактовки значения изучаемых слов в «Коми-пермяцко-русском словаре», в первую очередь, слова *юкмöс*: ни диалектные данные, ни художественные тексты на современном этапе не демонстрируют семантику «колодец». Это слово сегодня известно с одним значением – «прорубь».

Попытаемся более подробно рассмотреть данные лексемы в функциональном аспекте и выявить их этимологию.

По поводу заимствованного слова *колодец* можно сказать, что сегодня оно является общеупотребительной и доминирующей номинацией водного объекта в речи коми-пермяков. Определить время его заимствования довольно сложно. Ответы, возможно, могли бы дать сохранившиеся письменные памятники. Обратимся к двум из них. В лексикографическом источнике «Кратко-пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ», составленном в 1785 году, слова нет, зато зафиксировано название *эшмесь – колодезь* [19, 53]. В этом же рукописном источнике приводится слово *юкмесь* в значении «водопойня» [19, 54]. Напомним, что этот словарь является наиболее ранней работой, в которой представлено название данного хозяйственного объекта. Принято считать, что А. Попов описывал один из исчезнувших к сегодняшнему дню диалектов: «В рукописях Антония Попова отражен один из вымерших эловых диалектов пермяцкого языка, некогда бытовавших на территории бывшей Перми Великой (условно между Чердынью и Усольем)» [20]. Судя по всему, семантические позиции слов *öшмöс* и *юкмöс* (современное написание слов – А.Л., А.К.), зафиксированных в словаре А. Попова, так или иначе сохранились и

в современных диалектах: словом *õшмõс* (чаще *õшымõс*) северные коми-пермяки действительно обозначают два объекта – колодец и прорубь; а лексема *юкмõс* в речи южных коми-пермяков является обозначением понятия «прорубь».

В лексикографической работе Н.А. Рогова «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь», считающейся самым полным и объемным источником XIX века, для обозначения колодца приводятся два наименования – заимствованное и исконное: «**ководечj**, с. колодец» [21, 71] и «**õшымõс**, с. колодец» [21, 118]. За словом *юкмõс* автор словаря закрепил уже привычное значение – прорубь: «**Юкмõс**, с. прорубь» [21, 63]. Н.А. Рогов описывал словарный состав говоров современных Кудымкарского и Юсьвинского муниципальных округов, т.е. южных территорий Коми-Пермяцкого округа.

Таким образом, два ранних лексикографических источника коми-пермяцкого языка подтверждают тот факт, что и в прошлом было довольно четкое разделение слов, обозначающих водные объекты *колодец* и *прорубь*. Сооружения, которые принято называть колодцами, именовали двояко: либо заимствованной лексемой (*колодец*, *ководеч*, *коодеч*), либо исконным словом *õшмõс* (совр. *õшымõс*, по Н. Рогову – *õшымõс*). Лексема *юкмõс* обозначала отверстие, прорубленное во льду замерзшего водоема, т.е. прорубь. Получается, что данное семантическое распределение существует и сегодня, только *õшмõс* (*õшымõс*) практически забыто на территории его активного функционирования в XVIII-м и XIX-м столетиях, зато в диалектах северного наречия этой лексемой называют и колодец, и прорубь.

Если колодец как водное сооружение пермяки заимствовали у русских, то слово *колодец* (и его фонетические варианты) могло оказаться в речи коми-пермяков и до XVIII столетия. Возможно, более тщательный анализ археологических данных сможет помочь подтвердить время появления колодца на территории Прикамья.

Для решения вопроса о времени возникновения лексем *юкмõс* и *õшмõс* («колодец», «прорубь»), следует обратиться к близкородственным языкам – к коми-зырянскому и удмуртскому.

В диалектах коми-зырянского языка наблюдается примерно такая же картина, как и в коми-пермяцком языке. Так, для обозначения семантики «*колодец*» в лузско-летском диалекте используются слова *колодеч* и *õшмõс* [22: 701, 47]. *Õшмõс* в значении «колодец» также употребляется в верхнесысольском и среднесысольском диалектах [22, 47]. В одном диалекте – лузско-летском – словом *õшмõс* обозначают «прорубь» [23, 47]. Со словом *юкмõс* тоже не все однозначно: в присыктывкарском и нижневычегодском диалектах этим словом называют колодец, а в остальных диалектах коми языка за ним закреплено значение «прорубь» [23, 863].

В «Удмуртско-русском словаре» для обозначения колодца приводятся следующие наименования: *гудзем*, *голбеч*, *жõгы*, *колодча*, *корсо*, *кõйы*, *куйы*, *кыйгу* [24: 170, 163, 243, 312, 321, 328, 348, 368]. Отметим, что не все отмеченные лексемы считаются литературными. В словаре большая часть из них обозначена как лексический диалектизм. Лексеме *куйы* считают заимствованной из тюркских языков [4, 158], а слово *гудзем* образовано от глагола *гуджыны/гудзыны* – «покопать, копать немного; вскопать недолго; порыть, рыть немного» [4, 158]. По сравнению с коми языками, в удмуртском языке всеми лексемами закрепляется только одно значение – «колодец». Лишь слово *корсо* знает два значения: «колодец» и «ключ» [24, 321]. Это объясняется и заимствованиями из разных языков, и возможными появлениями исконных вариантов.

В удмуртском языке функционируют слова *люкмес* в значении «прорубь, полынья» и *ошмес* «ключ, родник» [24: 415, 501]. Общность этих лексем со словами коми языков очевидна. Данную точку зрения подтверждают и авторы КЭСЯ, указывая допермский период их возникновения. Вот что говорится в этимологическом словаре по поводу этих лексем: «*õшмõс* диал. ‘колодец, прорубь’; *õшымõс* кс. ‘тж’ (диал. хр.); кя. (в топонимике) *õšmēs*; *õшмõс* вым. (приток р. Вымь) | удм. *ошмес* ключ, родник. – общеп. **õšmēs* ‘источник, ключ’, ‘приток (реки и т. д.)’» [25, 213]; «*юкмõс* ‘колодец’, ‘прорубь’ | удм. *люкмес* ‘прорубь’, ‘полынья’ – общеп. **juk-mēs*; первоначально являлось сложным словом, первый компонент которого одного происхождения со словом *ю* ‘река’ или *юктавы* ‘поить’, *юны* ‘пить’ (ист. вок., 214); вторая часть, возможно, означала источник, ср. *õш-мõс* ‘колодец’, *чермõс* (в топонимике) ‘истоки речки’» [25, 334].

Надо полагать, что после распада общепермской общности в коми языках произошла деэтимологизация слов, особенно это касалось лексемы *õшмõс*: у неё появилась новая семантическая нагрузка – *колодец*. Это изменение коснулось не всех диалектов коми языков. На отдельных территориях, например, в южном наречии коми-пермяцкого языка, данная лексема практически ушла из употребления, зато в диалектах северного наречия коми-пермяцкого языка *õшмõс* и сегодня употребляется в двух значениях: «колодец» и «прорубь». Только контекст помогает определить значение слова. Слово *юкмõс* (удм. *люкмес*) оказалось более устойчивым, сохранив за собой значение «прорубь», оно в меньшей степени поддается семантическим изменениям. При этом *юкмõс* «прорубь» тоже не является общеизвестным.

Õшмõс и *юкмõс* (удм. *люкмес*), являясь сложными по своему составу, имеют общий второй компонент *мõс*, *мес*, который связан с значением «источник, исток» [25, 213]. Относительно первых компонентов следует отметить, что и они указывают на водный источник (см. там же). В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев считают, что «компоненты являлись синонимами (‘приток’ – ‘источник’)» [25, 213].

В силу разных причин: внешних сходств водных объектов (колодца и проруби), их предназначения и функциональных особенностей, – появилась возможность возникновения вторичного значения у исконных слов *õшмõс* и *юкмõс* в коми языках. Удмуртский язык сохранил их первоначальное значение, а для понятия *колодец* использовал иные источники – это собственные словообразовательные ресурсы или заимствования.

Таким образом, данные пермских языков, связанные с обозначением колодца как хозяйственного водного объекта, дают основание считать, что колодцы возникли довольно поздно: в пермских языках нет единой лексемы, отвечающей за данное значение. Зато во всех пермских языках сохранились две древние лексические единицы *õшмõс* (удм. *ошмес*) и *юкмõс* (удм. *люкмес*) в значении «прорубь, родник, ключ», восходящие к допермскому периоду. Эти лексемы стали в дальнейшем источником нового значения «колодец» в коми языках. В коми-пермяцком и коми (-зырянском) языках наблюдаются схожие процессы: для обозначения колодца используется либо заимствованное из русского языка слово *колодец*, либо происходит изменение значения лексем *õшмõс* и *юкмõс*. При этом в диалектах обоих коми языков фиксируются и свои лексемы для обозначения природных водных объектов.

Библиографический список

1. Голубева Е.В. Колодцы как сакральный пространственный локус // Молодой ученый. – 2009. – № 10 (10). – С. 222–225. URL: <https://moluch.ru/archive/10/702> (дата обращения 16.02.2026).
2. Мялова О.В. Священные колодцы Ирландии. – Текст: электронный // Perspektum. info. – 2024.: [сайт]. – URL: <https://perspektum.info/svyashhennye-kolodtsy-irlandii/> (дата обращения: 16.02.2026).
3. Лукьянова Д.А. Как борются с нехваткой воды в Индии: ступенчатый колодец Чанд-Баори. – Текст: электронный // travelask.ru. – 2022.: [сайт]. – URL: <https://travelask.ru/blog/posts/32715-kak-boryutsya-s-nehvatkoj-vody-v-indii-stupenchatyy-kolodets> (дата обращения: 16.02.2026).
4. Миннихметова Т.Г. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. – Tartu, 2003. – 235 с.
5. Мифология коми / Рос. акад. наук. Урал. отд-ние. Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории, М-во образования и высш. шк. Респ. Коми; А.Н. Власов и др.; науч. ред. В.В. Напольских. – Москва, Сыктывкар: ДИК, Ин-т яз., лит. и истории, 1999. – 479 с.
6. Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. – Свердловск, 1969. – С. 3–27.
7. Кириллова Л.Е. Географические термины в удмуртской топонимии: монография / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2020. – 228 с.
8. АПМЛ – Архив полевых материалов А.С. Лобановой.
9. АПМ ИГИ УрО РАН – Архив полевых материалов Института гуманитарных исследований УрО РАН
10. КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.
11. Климов В.В. Зарния чикиссез = Золотые косы: коми-пермяцкие сказки, легенды и предания. – Кудымкар, Коми-Перм. кн. изд-во, 1993. – 184 с.
12. Баталов В.Я. Съёкыт пондӧтчӧм: рассказы и очерки. – Кудымкар, Коми-Перм. кн. изд-во, 1959. – 112 с.
13. Баталов В.Я. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2016. – 400 с.
14. Климов В.В. Избранное. – Кудымкар: ПРОО «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югӧр», 2017. – 408 с.
15. Федосеев С.А. Повны – не овны = Бояться – не жить: повести. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1989. – 301 с.
16. Федосеев С.А. Съӧд цветтӧз = Чёрные цвета: роман на коми-пермяцком языке. – Кудымкар, Коми-Перм. кн. изд-во, 1994. – 328 с.
17. Фадеев Т.П. Олӧм лун = Прожитый день: повести и рассказы на коми-перм. яз. – Кудымкар, 1991. – 350 с.
18. АПМ КПРО – Архив полевых материалов коми-пермяцко-русского отделения ПГГПУ.
19. Попов А. (сост.) Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. № 206. – 81 л.
20. Лобанова А.С., Гайдамашко Р.В. Показатели словоизменительных грамматических значений в коми-пермяцком языке конца XVIII века (на материале рукописных словарей протоиерея Антония Попова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. Вып. 1(31). – С. 34 – 46. (дата обращения: 18.02.2026).
21. Rogov H.A. Пермьцко-русский и русско-пермьцкый словарь. – СПб., 1869. – 427 с.
22. КСК – Коми сёрнисикас кывчукӧр = Словарь коми диалектов: в 2-х т. – Т. I: А–О. / авт.-сост. Л.М. Безносикова, Н.К. Забоева, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева; под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: изд-во «Колá», 2012. – 1096 с.

23. КСК – Коми сёрнисикас кывчукӧр = Словарь коми диалектов: в 2-х т. – Т. II: Ӗ–Я. / авт.-сост. Л.М. Безносилова, Н.К. Забоева, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева; под ред. Л.М. Безносиловой. – Сыктывкар: изд-во «Колá», 2014. – 888 с.
24. УРС – Удмуртско-русский словарь=Удмурт-ӹуч кыллюкам: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008. – 925 с.
25. КЭСКОЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / авт.-сост. В.И. Гуляев, Е.С. Лыткин. – Москва: Наука, 1970. – 386 с.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья»).

Для цитирования:

Лобанова А.С., Кривошеков А.Д. Лексемы колодец, юкмӧс и ӧшмӧс «колодец» в коми-пермяцком языке: семантика и этимология // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2026. – № 3. – С. 127–136. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2026.3.9>

Сведения об авторах:

Лобанова Алевтина Степановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, заместитель декана по коми-пермяцко-русскому отделению, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, («ПГГПУ»), 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН («ИГИ УрО РАН»), 614013, г. Пермь, ул. Генкеля, д. 4; e-mail: lobanova@pspu.ru, ORCID: 0009-0002-1488-4727

Кривошеков Анатолий Дмитриевич, стажер-исследователь, «ИГИ УрО РАН»; email: akrivoschekov985@gmail.com, ORCID: 0009-0002-8518-4365

THE LEXEMES KOLODETS, YUKMÖS AND ÖSHMÖS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE: ETYMOLOGY AND SEMANTICS

Lobanova A.S.^{1,2}, Krivoschekov A.D.²

¹*Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm*

²*Institute of Humanitarian Studies UB RAS, Perm*

The article is devoted to the semantic and etymological analysis of three lexical units kolodets, yukmös and öshmös which are actively functioning in the Komi-Permyak language. According to various lexicographic sources (of the XVIII, XIX, XX centuries) they can convey the meaning of «well», while the last two lexemes also carry the meanings of «ice hole» and «spring». However, contemporary dialectal data and literary texts of Komi-Permyak writers do not always confirm the data recorded in dictionaries. The word «well», borrowed from the Russian language, is beyond doubt: it is used in its original meaning, which confirms the hypothesis that wells appeared among the Komi-Permyak rather late. We believe that for this reason, there is no rich sacred symbolism associated with this object in the Komi-Permyak culture. The original lexemes of common Permian origin- yukmös and öshmös - which have alignments in the Komi-Zyryan and Udmurt languages, initially denoted «ice hole» and «spring». Over time, these lexemes underwent de-etymologization within the Komi languages: in various dialects of both Komi languages, they came to denote «well», while retaining the original semantic sense of «ice hole» or «spring». The words yukmös and öshmös in the speech of Komi-Permyaks have a distinct territorial distribution. The word ösmös is found within the area of the

northern dialects of the Komi-Permyak language and functions in two meanings «ice hole» and «well». The word yukmös is known to Komi-Permians living in more southern territories, it has retained the original meaning of «ice hole», whereas a borrowed Russian term is used to convey the meaning of «well». The fact that the semantic shift towards the meaning of «well» for the words öshmös and yukmös is not universal in Komi-Permian speech calls for further observation related to the terminology of water bodies.

Keywords: *Komi-Permyak language, semantics, etymology, well, öshmös, yukmös, dialects, borrowings, water bodies, lexicographic sources, related languages*

Поступила в редакцию 10.04.2026

Принята к публикации: 27.05.2026